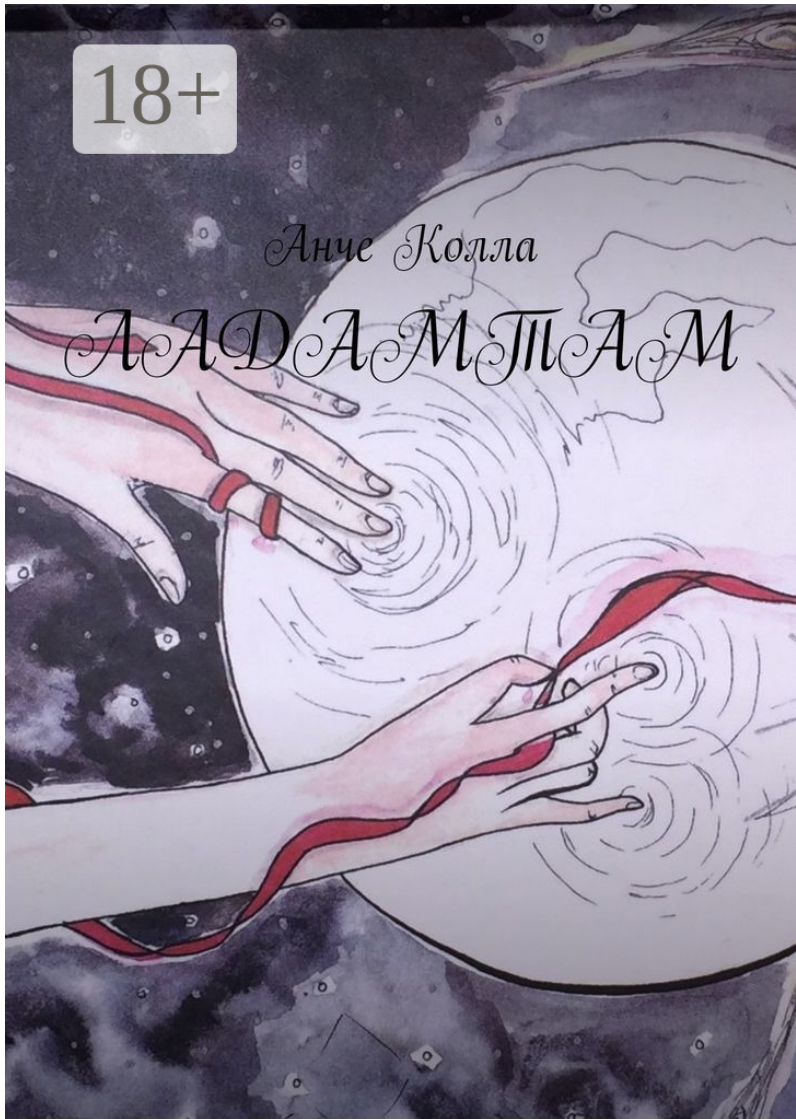

18+

Анче Колла

ЛАДАМТЛАМ

Анче Колла Ладамтам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57439067

ISBN 9785005137418

Аннотация

О счастье, истине, дураках и волшебстве. И о том, без чего не бывает радости. О талисманах, зеркалах, городах и путеводных камнях. И о мире, которого вроде бы нет. Но он есть...

Содержание

СУНДЖЕ ТАЛЬ

6

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Ладамтам

Анче Колла

© Анче Колла, 2020

ISBN 978-5-0051-3741-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мир догоняет, ловит за руки, греет ладони ветром с юга.

Запутывает сказки на перекрёстках. Оседает на волосах ту-манной моросью. Гром отстукивает беспричинную радость – с неба и прямиком в сердце. Мир любит петь обо всем, что слишком важно и потому почти не имеет значения. Под разные аккомпанементы. Под варганы, свирели, одиноко натянутые струны и колокольчики. Под все на свете, что способно шуришать, звенеть и брэнчать в ритм. Ладамтам Бог создал

на два рассвета прежде первого человека. Вырезал деревянную чашу, туго натянул кожу дымчатого фризантила на открытое основание, пустил луну со звёздами по лепнинным бокам. Постучал тёплыми ладонями, послушал, как мир ловит ритм и качается приливами. Подумал, и навязал ещё колокольчиков по краям. Просто так, для радости. И с тех пор так и вышло: ветром дышит чудный ладамтам,

громом стучит, весну капелью колокольчиковой зовёт.

*Вообще же непросто это – мир звуками наполнять
и жизнь счастьем расцветивать. Но всегда меж артиланов
были те, кто умел...*

СУНДЖЕ ТАЛЬ

На давно забытом и людьми и свитками языке артиланов, его имя значило «ветер». Так уже пару веков не называли детей, но имени, бывает, случается приходить в мир раньше своего хозяина. Так вышло и в ту осеннюю ночь, когда родился Сундже. Промозглый ветер с почти зимним остервенением трепал сети, накинутые на старые лодки у причала, запускать ледяные пальцы между разошедшихся досок, скрипуче наигрывая только ему ведомую мелодию. До рассвета было ещё далеко. А от заката зажглось уже немало звёзд. Ветер кружился у покосившейся хибары, осторожно стучал в ставни и ждал. Когда терпения не хватало (а ветрам, в отличие от гор, едва ли ведомо спокойствие), он снова принимался за лодки, на них срываясь за досадное ожидание. И если бы кто в этот момент не испугался и прошёлся вдоль воды – обязательно бы услышал в скрипе одно и то же повторяющееся слово. Вот так и появилось имя на пару непроглядных часов раньше того, кому предназначалось.

Когда же рассвет облизал край горизонта, чуть высветлив небо, пришёл и человек. Ветер ринулся от лодок к ставням, грохнул было об них подхваченной на лету галькой, и притих, прислушался. «Здравствуй, Сундже», – сказала женщина в доме. И то верно говорят, только им и дано пересекать миры, соединять время и безвремя, видеть то, что ни од-

ному мужчине, будь он хоть трижды сильнейшим да четырёхжды мудрейшим, не дано. Не в этом мире, но в том договорились мама Сундже и Ветер. Из забытого языка, из невидимого пространства напрямиком в ночь. Мимо двух старых лодок, под скрипучий напев, у самой кромки рассвета. Вот так и началась эта история.

Силы природы, и раньше бывало, что выбирали себе детей среди людей, делясь с ними своей магией, защищая, оберегая. Воспитанный лесами умел с животными говорить, шепот деревьев-исполинов понимать, птиц перепевать. Тот, кому матерью река становилась – рыб слышал, нырял на дно на часы, течения заговаривал.

Ветер же – непостоянная стихия. Но куда уж как сильная. А потому не было равных мальчику Сундже ни в детских сражениях на деревянных мечах, ни в скорости на охоте. Порой, в погоне за зверем случалось ему бежать так, что и на землю наступать забывал, обгоняя названного отца. А тот всякий час был рядом. Помогая, остерегая, на невидимых крыльях вынося из беды, коли та случалась. Когда радовался Сундже, Ветер струился по деревьям, хлопал в ладоши зелёными листьями. Грустил – и хмурилось небо чёрными тучами, рвущимися в ошмётки свирепым ураганом.

Знали люди о чудесной связи Ветра и мальчика из деревни рыбаков. Бывало, когда подолгу стояла летняя жара, что

аж земля трещинами шла, просили они Сундже уговорить Ветер принести туч, ливнями поля укрыть. И тогда доставал отец из рукава ураган, седлал его, и на много дней

отправлялся к людям в гости. И пировал, вразнос шел, покуда снова не прибежали жители с намеками, разгулялся, мол, батюшка Ветер. А и тот не дурак – пока лент разноцветных в подарок вдоволь не получит, никогда не унимал ураган, не прятал его в заплечный мешок Сундже.

А бывало, и отлучался Ветер. На несколько дней улетал. Повисали тогда паруса на лодках, замирали кусты, цветы,

и те не покидают на закатное солнышко. Ветру эти дни нужны были, чтобы долететь до края света, проверить, все ли, как должно, крутятся ли мельницы на юге, справляются ли сестры Северные Метели в своих землях, легко ли разводятся погребальные костры на востоке, да и на западе – в каждый дом, во всякий погреб должен был заглянуть Ветер. На все про все уходило у него семь дней. Семь тихих дней в зиму, да семь – в лето. И всего разлуки-то.

А вот однажды не вернулся названный отец к Сундже. То ли в дороге заплутал, то ли беда случилась. Злые языки поговаривали, что новый сын на краю земли у Ветра родился, так он прежнего и позабыл. Тихо стало вокруг, только и слышно было, как вздыхал Сундже у причала. Уже не ребенком

был, не к лицу реветь, как дитя малое. А к утру так решил: не верит сердце его в то, что нарочно мог не вернуться Ветер. А, значит, на выручку надо спешить. Взял он лепешек, воды, мешок со спящим ураганом, ветряную мельничку-амулет и солнце теплым шариком опустил в самое сердце. Без него в дальних землях никак, холодные они, неприветливые, темные, туда без солнца и соваться человеку незачем – так рассказывал ему Ветер. Попрощался Сундже со всеми, как если бы навсегда, и отправился в дорогу.

Дойти до края земли – много силы надо. Сундже Таль был

сыном Ветру, и потому не знал усталости. И ночью шел он, и днем, и по земле ступал, и по небу горы перелетал. И чем дальше заходил, тем холоднее становилось, и крепче завязывал он ремни на походном плаще.

На исходе лета встретилаь ему деревня. Много недель уже не видел он людей, все стороной обходил артиланские поселения поначалу, потому как всякому была охота поглядеть на ветрова сына, а то и честь в гости зазвать. Отказать – обиду хозяину учинить, согласиться – время напрасно потерять. А тут соскучился охотник по домашней еде, по речи людской. Артиланские земли давно уже позади остались, в этих краях о нем никто не слышал, а потому и спрашивать не станут. Так он решил, и свернул с лесной тропы к людям. Первая же изба встретила его добрым словом, горячим чаем. Чудный был язык у этих людей, а все же понятный. Накормили хозяева гостя, спать уложили. Да только засыпать начал, слышит, поет будто кто. Слабый ветерок наигрывал на малиннике под самым окном: «Спеши, ветер-человек, торопись, не спи. Нет тут деревни, злые колдуны с севера морок навели, отца твоего на краю земли заперли, младших братьев-ветров да сестер-вьюг его заколдовали, чтобы на помощь не пришел никто. С каждым днем слабеет отец твой Ветер, еще осень пройдет, зима споет, а весну большой Ветер не переживет. И тогда всю землю в лед замкнут колдуны, и не бывать больше лету».

Вскочил Сундже, вылез в окно. Глядит вокруг – спит деревня, где-то собака лает, птица пролетела, спокойно все. А ветерок знай себе поет: «Амулет надень, три раза обернись, от земли оттолкнись, сам все увидишь». Исполнил Сундже все, как велено, глядь, а вокруг пустошь черная, за спиной, где комнаты хозяйские были, змеиный клубок.

«Я, южный ветерок, мал слишком, колдуны меня не заметили. С тобой пойду, помогать стану, спрячь меня, только не в мешок, боюсь я урагана! Пусти в карман! И бежим скорее, пока ведьмы в змеиных телах не догадались!». Сунул Сундже ветерок в карман и побежал к лесу, не оборачиваясь, стараясь не слушать шипение за спиной. Почернел амулет, но защитил. И солнца в сердце вполовину меньше стало.

Дойти до края земли – много памяти надо. А чем дальше уходил Сундже, тем быстрее забывал лица, слова, песни родной земли. Южный Ветерок в кармане напоминал, что сам знал, но он, по малолетству, дважды всего бывал в краях артиланов, и слышал не больше десятка песен. Да и время уходило, вот уже и осень на исход пошла. Торопился Сундже Таль, совсем почти отдыха себе не давал в пути. С первым снегом в лицо добрались они до озера большого, в лед обутого. Стало быть, еще четверть пути осталась. Ночь полярных земель спрятала небесное солнце до самой весны, ни доро-

ги не видать, ни рук не согреть. А и торопиться теперь можно помедленнее. До середины зимы всяко успеется. Присел Сундже на берег, костер развел, подул ветерок, помог. Сон обнимать стал, притих и друг в кармане – отчего не передохнуть? Только на миг закрыли они глаза, а как открыли – что такое? Бледное солнце в лицо глядит, чуть теплыми лучами щеки трогает. Озеро из снегом запорошенного потемнело, таять собрался лед. Откуда же солнце? Разбудил Сундже ветерка, а тот и заплакал по-девчоночьи:

«Эх, ветер-человек, не просто сон нас с тобой сморил! Совсем заколдовать тебя они не могут, а время заставить забыть сумели. Смотри, весеннее солнце проснулось, зиму проспали у озера черного...».

И хоть и не положено то мужчине, а расплакался и Сундже следом. Немного дороги осталось, а времени на нее вовсе уже не было. Черный со змеиной погони амулет бесполезно висел на шее, солнца только на битву и оставалось. Ни еды, ни воды, лишь ураган, еще отцом после летних гроз убаюканный, спал в мешке. Разбудить бы! Но как? Этого человек не знал.

«Солнце!» – прошептал ветерок ему в самое ухо. – «Я к тебе тогда на солнце пришел. Станешь его беречь – опоздаем, сейчас первое дело – успеть». Собрал Сундже остат-

ки теплого солнца в ладони, запел песню ветра, развязал мешок. Зевнул-потянулся ураган. Проснулся. Набрал в грудь воздуха, завыл-загудел, крылья расправил. Оседлал человек ураган, крепко ухватил рукава-поводья, направил к самому краю земли. Вмиг домчали!

...На краю у обрыва в вечность была стена изо льда. Грохнул с разбегу в нее ураган, и рассыпался снежной пылью. Куда ему, глупому, против черного колдовства!

За ледяной стеной, как в клетке, из стороны в сторону

медленно ходил седой Ветер. Никогда еще не видел его Сундже таким несчастным и слабым. Отец, какого он с детства знал, разметал бы в осколки эту стену. А теперь же старым гляделся большой ветер. А самое печальное – не было больше ни амулета, ни друга-урагана, ни солнца в сердце. Ничем не разрушить стену. А и уходить охотник не собирался. Не затем явился. Останется здесь до самого конца. Так решил. Закружился вихрями колдовской заговор, почувствовал Сундже Таль, как леденеют ноги. Вот и смерть змеей подкралась! Отец мимо смотрел. То ли не видел, то ли не узнавал. Что ж! Запел напоследок Сундже единственный, еще остававшийся в памяти, родной напев. О том, как в ночь родился человек-нечеловек, как ветер ждал его появления на свет, чтобы подарить имя. Песню эту мама пела ему ночами, когда отец отлучался на край земли, оставляя названного сына на семь долгих дней, и сладу не было с ним, никак не желал укачиваться и засыпать. Неожиданно задрожала земля, закачался край земли, трещинами пошла ледяная тюрьма. И откуда-то из полярных земель дотянулся-таки бледный лучик весеннего солнца! Дотронулся до храброго сердца Сундже, затеплив в нем новое солнце, разбил колдовские оковы старого ветра. Узнал он сына, из последних сил в руки кинулся, хоть мало отогреться. А зло, зашипев от бессилия, шарахнулось от ненавистного света, да и рухнуло за край земли, исчезло.

...Дойти до края земли и вернуться обратно – много солнца надо. Кто ходил – знает.

Порой казалось Сундже, что и вовсе мало было в его сердце этого солнца. Или сгорело оно дотла, оставив лишь горстку пепла из воспоминаний. Когда-никогда, ему удавалось раздуть из них искру, а окрепший отец-ветер помогал. Разметая красный песок по растрескавшейся земле, он высушивал на лету слезы, вот-вот готовые скатиться по щекам. Забивал дорожной пылью рот, запирая лишние слова. И попутно гасил всякую искру печали.

А когда розовое солнце проваливалось за кособокую гору, оклемавшийся ветер совсем свирепел, срывая бывшее зло, бросаясь на все подряд, ровняя с землёй, сбивая с ног.

Много дней уже шли они с самого края земли, считая розово-лиловые закаты, встречая спиной прозрачные рассветы. В старых песнях артиланов пелось, что идти назад нужно до тех пор, пока тысячный раз по пути солнце не уйдёт за край. И кто увидит такой закат – тому и вся радость мира в ладони. А ещё – чего ни пожелаешь на его последний луч – все сбудется! А вдруг и правда?

И идти домой было легко, пусть и долго без волшебства. И солнца с каждым шагом становилось чуть больше в сердце. И ветер мчался следом, разгоняясь до клокастых облаков и обратно, радуясь простору. И Сундже был счастлив дороге.

И на всякий привал тепер непременно разводил костёр.

Ветер привычно кидался на новое пламя, но потом успокаивался. А когда Сундже доставал варган – даже подпевал, то гулом, то свистом, то шепотом в такт. Занятый песней, ветер тогда не путал воспоминаний. А во снах стоял мальчик Сундже посреди солнца в собственном сердце, и, наконец-то, плакал от облегчения. Между последним звуком и первым сном под звёздами. И надежда на близкий дом разводила свой несмелый костёр в его душе, давая силы на ещё долгую дорогу.

...Радужный танец всегда начинается в самой крошечной тьме. Когда ни звезды, ни искры, ни лунной дорожки. И впрямую бы завывать, да не на что. И тишина. Оглушительная и бесконечная. Ладиля видела её. Ей не было конца и дна. Из детских снов она всегда пугала ее до ужаса. Теперь нет. Потому что только в ней и может начаться движение. Красно-оранжевыми огненными волнами в желто-зелёный пульс, а затем сине-голубыми брызгами вверх, расцветивая небо.

И тишина заполняется дыханием, шёпотом, ритмом. А небо – звёздами.

Звезды в глазах смотрящего. Любовь в сердце танцующего. И в сердце танцующей.

В одном на двоих сердце. Так было с самого начала...

ДЖЕЛЕННА – РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНИЦА ЗВЕЗД

Чужой южный Бог в белой чалме, прогуливаясь по си-не-бархатному ночному ковру, филигранно крепил звезды одну за другой на небо. Тонкие пальцы вынимали мерцающий, с бьющимся пульсом огонек, и примерялись к дышащей ночи, прежде чем добавить его к другим... Джеленне оставалось только сидеть на песчаной верхотуре, и восхищаться точностью.

Никому не сумеешь лучше...

Когда-то в другом мире было необходимо вот так же зазечь зодиаки. И, вдруг вспомнив, каково это – летать – Джеленна умудрилась оттолкнуться от облака и подняться наверх. Она тоже держала в руках огромную кружку, и Звезды – большие и маленькие – блестели в ней, перемигиваясь друг с дружкой. Не сложно. Карту она помнила наизусть, наступать на небо было мягко. Где-то внизу жили, плясали и ругались люди, совсем маленькие, но громкие. На млечную высоту звуки едва доносились. Но был один. Колокольчик. Он пел настолько пронзительно, что весёлой булавкой вонзался в темноту под ногами Джеленны. Радость всегда долетает до неба, она лёгкая, её подхватывает ветер и поднимает так высоко, что и звёздам слышно. Печаль и злость же

покрывалами стелются по земле, проваливаясь в бурлящие котлы туманных троллей. Вы знали? Поднимитесь однажды повыше, и, поверьте, вы позабудете, что такое печаль.

...Но тогда, держа тяжелую кружку, распределительница звезд заслушалась, поймала на ладонь чудесный звон, и ей так до мурашек захотелось танцевать! Шаг. Другой.

И ещё... Небо нетерпеливо переминалось под туфельками, явно недовольное промедлением... Пришла украшать – так украшай! И тут... то ли зацепившись за облако, то ли споткнувшись о край лунной дорожки, но Джеленна потеряла равновесие. И звезды – совсем не по правилам – веером расплескались по небу, как пришлось, разбежались, куда ни попадя!

И в ту единственную ночь все было другим! На востоке танцевали феи, на западе распускались снежные цветы, на севере целовались влюблённые из звёздной пыли, а до юга и вовсе долетели всего две: и моргали там, как пара разного-размерных глаз.

По секрету вам скажу: ей так понравилось больше. И людям – тем немногим, кто заметил – тоже. Но вы же понимаете – законы, правила... Больше Джеленну на вечернее небо не пускали. Пришёл мастер в чалме, и стал сам развешивать

звезды. И ничто не могло его отвлечь – ни смех, ни слезы, ни танцы, ни молитвы. Он никогда не отвечал никому. Будто не слышал.

Но есть секрет: когда до последней звезды останется всего ничего, нужно успеть позвонить в колокольчик. Мастер, конечно же, снова сделает вид, что ничего не слышал. Но непременно собьётся со счёта, одна из звёздочек выскользнет из его пальцев, и полетит вниз. И тогда, под росчерк блестящего хвоста, быстро-быстро загадывайте желание.

Джеленна – распределительница звезд – говорит, что именно так они и сбываются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.